

УДК 316

Социология и ценности в свете текущего мирового кризиса

К. Спаркс, доктор социологических наук, профессор Вестминстерского университета (Великобритания)

Статья посвящена анализу проблемы общности ценностей в современном социальном знании. Показывается, что текущий экономический кризис, несмотря на его негативные последствия, предоставляет одновременно и освобождение от какой-либо доминирующей идеологии.

Sociology and Values in the Light of the Current World Crisis

C. Sparks, PhD in Sociology, Professor.

The problem of the common values in social knowledge is analyzed. The author suggests that the current crisis, while it places us under all sorts of pressures that reduce the space for our discussions, at the same time provides us with the unusual freedom that comes from the absence of any single dominant ideology.

Начну с небольшого признания. Вопросы, о которых я сегодня рассуждаю, достаточно далеки от области моих научных интересов. Возможно, более правильным было бы спрашивать о них философа, нежели специалиста по изучению медиа-систем. Первая мысль была о том, что моей компетентности явно недостаточно для подробного рассмотрения столь фундаментальных вопросов.

Тем не менее, по прошествии некоторого времени я все же решился на определенные размышления на основании моего исследовательского и преподавательского опыта. Конечно, эти размышления не претендуют ни на полноту и систематичность, ни на принципиальные новизну и оригинальность. Возможно, кому-то они могут показаться наивными, а кому-то — попросту неверными, и лишь мое убеждение о присущей социологии установке на принципиальную плюральность мнений ободряет меня в этой попытке.

Тема моего выступления настолько обширна, что неизбежными будут определенные умолчания и упрощения, в том числе и для того, чтобы сделать мои идеи более понятными (поэтому я использовал лишь необходимый минимум традиционного научного аппарата). Тему моего выступления я разделил на три части:

1. Выяснение места ценностного аспекта в современных академических дискуссиях. Почему мы не можем обойти вниманием вопросы о ценностях и оценке.

2. Если ценностный аспект присутствует в социологических исследованиях (более конкретно — в изучении масс-медиа), то насколько он

значим и в каких формах проявляется? Как соотносятся ценности самого исследователя и ценности той среды, в которой он осуществляет свою деятельность?

3. Как влияет текущий мировой кризис на рассматриваемые проблемы? Насколько экономические и политические аспекты реально влияют на социальные науки и каким должно быть это влияние?

И, наконец, я попытаюсь обобщить и подытожить свою позицию по данным вопросам. Я не претендую на окончательное разрешение проблем, но надеюсь на то, что смогу положить начало их обсуждению.

1. Почему мы должны обсуждать ценности применительно к университету?

Мне известны три возможных ответа на этот вопрос. Два из них — простые, а третий, напротив, достаточно сложен. Выбор одного из ответов во многом зависит от той области знания, в которой вы работаете.

Первый ответ характерен для представителей естествознания: по мнению многих из них, для ценностей нет места в научном исследовании. Они исходят из разделения факта и ценности, при этом только первый является предметом научного изучения. Подобное понимание науки стремится избежать субъективности в исследовании при помощи целого ряда процедур. Так, результат исследования должен воспроизводиться вне зависимости от ценностных предпочтений исследователя.

Второй ответ более характерен для представителей наук о человеке: напротив, ценности важны

и являются конститутивной частью любого исследования. Помимо чисто технического анализа грамматики, документов, мизансцен, для адекватного понимания необходимо исследовать и проблему ценностей. Поэтому сам процесс оценивания при исследовании оказывается неизбежным. Существует достаточно распространенная тенденция (скажем, у последователей М. Фуко) ставить под сомнение всякие притязания на истинность и объективность. С этой точки зрения, не существует некой самоочевидности фактов, а интерпретации всегда будут различаться.

Третий вариант ответа, которого я и придерживаюсь, будет достаточно сложен: нельзя дать какие-либо общие ответы на данный вопрос. В социальных науках есть исследователи, тяготеющие к крайностям как объективизма, так и субъективизма. Это приводит к затяжным и достаточно бесполезным спорам (как по поводу методологии, так и, скажем, названия тех или иных институций). Уверен, вы сталкивались с подобными проблемами.

Конечно, эти проблемы указывают на определенные особенности научного исследования. Возможно, многим из нас хотелось бы верить в идеальную область настоящей науки, свободной от оценочных суждений, но философия и социология науки убедительно демонстрируют, что это далеко не так. Ценности присутствуют в естествознании, по меньшей мере, тремя способами. Первый хорошо известен: большинство исследователей испытывают уважение к той парадигме, в которой они обучались, что само по себе является в какой-то мере ограничивающим (а иногда — и не позволяющим иной взгляд) фактором [1]. Во-вторых, существуют внутринаучные этические дилеммы по поводу того, какие виды и способы исследования являются допустимыми. Примеры здесь разнообразны и исторически изменчивы: наиболее ярким примером являются современные дискуссии о допустимости проведения опытов на животных. И, в-третьих, существуют проблемы внешней детерминации научного исследования: например, «дилемма Оппенгеймера» при создании ядерного оружия.

Для наук о человеке будут характерны иные проблемы. Исследования в этой области сложно редуцировать лишь к ценностным аспектам. Во-первых, всякое исследование предполагает определенную методологию (пускай и не всегда осознаваемую и систематическую), которую можно рассматривать отдельно от тех или иных оценочных суждений. Во-вторых, относительно легко можно показать, что любые интерпретации все же основываются на исходном материале (обычно — тексте). Поэтому о них можно говорить как о более или менее адекватных исходному материалу.

Итак, в социальных дисциплинах есть элементы как сводимые, так и несводимые к ценностным и оценочным аспектам. Такова наша участь — постоянно сталкиваться с этими конфликтующими элементами. Даже для большинства позитивистски настроенных исследователей очевидны отличия экспериментов в гуманитарных и естественных дисциплинах — в первых гораздо более значим морально-этический аспект. Далее, зачастую эти эксперименты невоспроизводимы. При этом, однако, только лишь оценки при исследовании оказываются явно недостаточно. Подводя краткие итоги, можно зафиксировать следующее. В естествознании доминируют фактические данные, но их явно недостаточно для полноценного исследования. В гуманитарных дисциплинах, напротив, доминируют оценочные суждения, но и их самих по себе недостаточно. Социологии приходится сочетать эти две крайности, комбинируя их в зависимости от предмета и целей исследования.

2. Какие ценности являются приемлемыми для всех?

Важной особенностью научных законов является их универсальный или по крайней мере общий характер: законы ньютоновской механики действуют одинаково в Минске, Москве, Монтгомери и Манчестере. И хотя сам процесс научного открытия зачастую долго и активно обсуждается, его результат, будучи однажды принят, редко подвергается сомнению.

Напротив, для ценностей характерна историческая и культурная изменчивость. Даже если мы не разделяем крайний релятивизм, предполагающий уникальность того или иного опыта, достаточно очевидны ценностные различия в разных культурах. В качестве примера можно обратиться к различной ценности подарков. Так, в большинстве западных культур преподавателям не принято дарить подарки, которые рассматриваются как одна из разновидностей взятки. Сегодня тем не менее в западных университетах много студентов из Восточной Азии, для которых подарки преподавателям — вполне нормальная часть учебного процесса, не рассматриваемая как проявление коррупции. И, зачастую, преподавателю приходится искать компромиссное решение между двумя разными культурными традициями.

Впрочем, зачастую нахождение компромисса в области ценностей является достаточно проблематичным, если не невозможным. Конечно, жизнь в современном крупном городе предполагает определенную терпимость к культурным различиям, но у нее есть естественные границы. По пово-

ду того, где следует проводить эти границы, идут ожесточенные споры, и без особого труда можно привести примеры, когда культурные различия порождают серьезные конфликты.

Конечно, существует Всеобщая декларация прав человека, которую можно рассматривать в качестве общей ценностной системы. Действительно, она ратифицирована в большинстве стран. Тем не менее в Декларации содержатся весьма общие принципы, позволяющие различные, вплоть до противоположных, толкования. Два государства могут проводить диаметрально противоположную политику, в обоих случаях основываясь на своем толковании принципов Декларации.

Ярким примером является вопрос о праве государства распоряжаться жизнью своих граждан. В статье пятой Декларации записано: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию». Даже если не обращаться к ожесточенным спорам по поводу определения понятия пытки, можно отметить, что Европейский Союз выступает против смертной казни как жестокого и бесчеловечного наказания, а большинство европейских стран ввели мораторий на применение смертной казни. Тем не менее в мире остается много государств, следующих ветхозаветному принципу «око за око». В 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН ввела мораторий на применение смертной казни (104 – за, 54 – против, 29 – воздержалось). Решение не является обязательным, однако сам факт результатов голосования показателен. Налицо столкновение ценностей, имеющих для многих фундаментальное значение.

Часто считают, что принятие или неприятие идеи прав человека и общечеловеческих ценностей зависит от определенных культурных образцов, что не является столь уж и очевидным. Так, в уже упомянутом голосовании Беларусь воздержалась, Россия и Украина проголосовали «за», а из бывшего социалистического лагеря только Монголия выступила против. Обратившись к практике использования смертной казни, мы увидим, что в 2007 г. 88 % смертных казней приходились на долю 5 стран: Китая, Ирана, Саудовской Аравии, Пакистана и США. В этом случае сложно прибегать к обобщениям, говоря о «западных», «азиатских», «африканских» и других ценностях.

В качестве вывода можно отметить, что выделение общих ценностей обычно связано с обсуждениями и спорами, а контуры общей ценностной системы претерпевают постоянные изменения. С точки зрения исследования масс-медиа наибольший интерес представляет 19 статья Декларации: «Каждый человек имеет право на свободу убежде-

ний и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». В Конституции КНР свобода слова и печати также гарантируется, но понимается это иначе, чем, скажем, в США – в которых первая поправка к Конституции также является предметом дебатов. Поэтому даже общепринятые ценности имеют свои локальные интерпретации, которые могут существенно меняться.

Если говорить об общих ценностях в академической среде, я бы назвал открытость и готовность к свободному поиску новых решений. Конечно, эта свобода никогда не может быть полной: как показал, скажем, Дж. Ст. Милль, обстоятельства всегда будут ограничивать свободу [2]. В академической среде, впрочем, существует возможность ставить и обсуждать вопрос об этих ограничениях (при условии уважения к нашим собеседникам, без чего никакой диалог невозможен, уровень свободы слова в аудитории достаточно высок). Возможно, мы не согласны относительно ценностей, но мы согласны по поводу необходимости их обсуждения. Сам процесс не менее значим, чем его возможные результаты.

3. Каково влияние текущего мирового кризиса?

Поскольку мы, к сожалению, не живем в башне из слоновой кости, потрясения в остальном мире оказывают влияние и на нашу жизнь. На мой взгляд, два основных эффекта, которые произвел мировой кризис на академическую среду, достаточно тесно связаны с обсуждаемыми нами проблемами университета и ценностей. Первый эффект связан с общим влиянием экономики на исследовательскую деятельность, которое можно отнести к внешним воздействиям (как, например, и идеологию).

Основной эффект очевиден: уменьшение финансирования. Ясно осознавая это, не следует преувеличивать его значение, поскольку кризис когда-либо прекратится, а его последствия для академической среды не являются универсальными. Например, в Индии или Китае наблюдается рост исследовательской активности, что отражается и на общемировых тенденциях.

Более серьезным следствием кризиса мне кажется возможный перекосяк в сторону прикладного образования. Как известно, в университетах идет постоянная борьба между фундаментальными и прикладными науками, и найти баланс между ними достаточно сложно. Прикладной элемент в университетском образовании был всегда достаточно силен: Болонский университет изначально

специализировался на подготовке юристов, а Гарвард, Кембридж и Оксфорд вплоть до XIX в. выпускали в основном будущих священнослужителей. Тем не менее, в XX в., во многом благодаря экспансии США, прикладные аспекты университетского образования стали доминировать, а собственно образование и критическое мышление отошли на второй план. Эта тенденция продолжается и сегодня: даже в высокоразвитых странах, которые могли позволить себе роскошь фундаментального образования и фундаментальной науки, происходит постепенный отказ от них и переориентация на более прикладные задачи. Возможно, небольшая часть из наиболее престижных заведений и сможет сохранить фундаментальное образование и исследования, но о большинстве речи не идет.

Как уже говорилось, этой проблеме свыше 70 лет. Так, П. Лазарсфельд отмечал основное противоречие между критическими и административными аспектами исследования, о котором я упоминал. Административное исследование планируется внешними инстанциями, а не самими исследователями [3]. Им приходится использовать свой потенциал для разрешения проблем, поставленных другими (и основанных на ценностях других), и нередко носящих достаточно утилитарный характер. Критическое исследование в большей степени ориентируется на более общие ценности, в соответствии с которыми рассматриваются и возможные результаты исследования. Один из возможных результатов кризиса — снижение возможности обсуждать то или иное исследование с привлечением ценностных аргументов и в целом возможностей критического обсуждения. Само исследование все больше будет определяться внешними ценностями, вне зависимости от того, разделяем мы их или нет.

Внутренние изменения исследовательской деятельности могут быть не менее серьезными. Следует проводить различие между идеями, как таковыми, и причинами их распространения или влияния. Поясним это на простом примере. Более века одним из основных источников критической мысли во всем мире выступали работы К. Маркса. Для многих они выражали привлекательные устремления Просвещения: свободу, равенство, братство, мир и возможность автономного человеческого саморазвития. Для многих же эти устремления были воплощены, пусть и в весьма несовершенной форме, в развитом социализме, возникшем после финансового кризиса и Второй мировой войны. События 1989—1991 гг. разрушили этот исторический контекст и обнаружили: то, что называлось диктатурой пролетариата, на самом деле было диктатурой над пролетариатом, не

менее жестокой, нежели фашистская (о чем постоянно напоминали правые критики социализма). Так, события кризиса 1930—1940-х гг. дали веру в социалистические идеи, а коллапс коммунизма эту веру подорвал.

В течение двух десятилетий очевидно доминировали идеи либерального капитализма. И в этом видно влияние социального контекста: коммунизм был мертв, а бывшие члены партии, расталкивая друг друга, стремились к материальным благам свободного рынка, которому не было альтернативы. Мир либерального капитализма выглядел жизнеспособным и привлекательным. Конечно, были настораживающие кризисы 1997 и 2000—2001 гг., однако в целом система развивалась как никогда быстро. Все большее количество людей богатело, и, что более важно, сокращалось число бедных. Свободный рынок предлагал лучшую жизнь если не для всех, то для сотен миллионов. Это сопровождалось развитием свобод и распространением демократии.

Конечно, существовали и обратные тенденции. Скажем, проблема исламского фундаментализма или растущее сопротивление процессам глобализации как в развитых, так и в развивающихся странах. Экологические проблемы ставят под вопрос ценности общества потребления. Впрочем, критические голоса немногочисленных оставшихся левых были слышны все меньше.

Одно из следствий кризиса — постановка под вопрос либеральной ортодоксии. Скажем, растет интерес к идеям Дж. М. Кейнса о государственном регулировании экономики. Государство, вопреки теоретикам глобализма, рассматривается как спаситель. Представления о капитализме как саморегулирующейся системе, обеспечивающей экономический рост и процветание, сегодня малоактуальны. США и Великобритания, воплощавшие капиталистические ценности, серьезно пострадали в период кризиса, в отличие от Германии или Китая с их высоким уровнем госрегулирования. Либеральный капитализм оказывается ни наилучшим, ни единственным из возможных миров.

Как следствие, современный мир все менее восприимчив к интеллектуальной ортодоксии. Не являются доминирующими ни ценности солидарности, ни ценности индивидуализма. Мы живем в эпоху «дискурсивного состязания идеологий» [4], которые сражаются за доминирующие позиции. Впервые за долгое время ценностные вопросы становятся актуальными в дискуссиях на социальные темы, при этом отсутствует однозначное и очевидное решение проблем. На мой взгляд, подобные моменты достаточно редки и позитивны, поэтому их надо использовать.

Заключение

В качестве итогов я бы выделил следующие:

1. Ценности играют в социологии большую роль, при этом они, скорее, проверяются, нежели просто принимаются как самоочевидные.

2. Нельзя выделить группу ценностей, по поводу которых не было бы разных мнений и не велись ожесточенные дебаты.

3. Текущий кризис, несмотря на его явно негативные последствия в виде сокращения возможностей для исследования и обсуждения, предоставляет одновременно и освобождение от какой-либо доминирующей идеологии.

Все это не следует воспринимать как призыв отказать от наших собственных ценностей или, по крайней мере, не отстаивать их публично. Напротив, чем более активно мы будем участвовать в обсуждении, тем более плодотворным оно может получиться. Обсуждение может быть долгим и интенсивным, и при этом избавленным от враждебности по отношению друг к другу. Здесь можно сослаться на пример группы западных исследователей, около 20 лет дискутирующей вопрос о месте масс-медиа в посткоммунистических странах. Вероятно, вам известны их имена – П. Гросс, К. Якубович, С. Спличал, О. Манаев – как известно и то, что их позиции серьезно отличаются на ценностном уровне. Тем не менее большинство из них исходит из идеи о необходимости корректного отношения к другим участникам дискуссии и приветствует их вклад в общее обсуждение.

Можно возразить, что я попробовал предложить собственные ценности, восходящие к ценностям европейского Просвещения, настаивая при этом на собственной нейтральности. Здесь важно помнить о различии между субстанциальным и процессуальным пониманием ценностей. процитирую Канта: «Для этого просвещения требуется только свобода, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом» [5]. Вот эта свобода пользоваться разумом и есть главная ценность Просвещения, которую разделяет даже такой радикал, как М. Фуко.

Признавая эту ценность процесса использования разума, мы можем признать и различие субстанциальных ценностей. Так, и А. Смит, и К. Маркс – значимые фигуры Просвещения, несмотря на все различия в утверждаемых ими ценностях.

Список цитированных источников

1. *Kuhn, T.* The Structure of Scientific Revolutions / Thomas Kuhn. — Chicago, 1962.
2. *Mill, J. S.* On Liberty / J. Mill. — [S. l.], 1967.
3. *Lazarsfeld, P.* Administrative and Critical Communications Research / P. Lazarsfeld. — [S. l.], 2004.
4. *Žižek, S.* First as Tragedy, Then as Farce / S. Žižek. — London, 2009.
5. *Kant, I.* What is Enlightenment? / I. Kant. — [S. l.], 1784.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.05.2010 г.